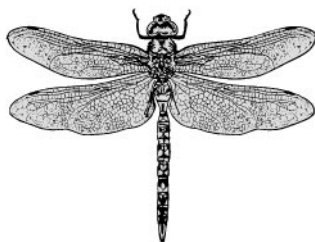

Мэри Уэбб

Золотое
урокчатое

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
У 97

Mary Webb
PRECIOUS BANE

Перевод с английского Наталии Роговской

Серийное оформление Владимира Гусакова

Оформление обложки Ивана Лицука

ISBN 978-5-389-32665-1

© Н. Ф. Роговская, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ПРЕДИСЛОВИЕ

Погрузиться хотя бы на миг в настроение тихой грусти, которым всегда окрашено прошлое, — это как попытаться обнять гиацинтово-синие дали. И если удастся — о, какая отрада! На тебя вдруг повеет нежным, едва уловимым ароматом весенних цветов, высушенных вместе с бергамотом¹ и лавром. Невольные слезы брызнут из глаз на старый пергамент, когда прочтешь: «...а моей милой доченьке на память обо мне — мои лекарства и колечко»; или на пожелтевшие письма, которые все еще дышат любовью, хотя их чернила поблекли: «...и на сем доброй ночи, сердце мое, дай Бог тебе счастья!» Слова оживут, но их настоящее так зыбко! Однако прошлое — это не более чем настоящее, ставшее невидимым и безмолвным; и поскольку оно невидимо и безмолвно, хранимые памятью взгляды и шепоты бесконечно дороги нам. Мы и сами — завтрашнее прошедшее. Прямо сейчас мы медленно исчезаем из виду, точно картинки на движущемся циферблате старинных часов: корабль, сельский дом, солнце и луна, букет цветов... Циферблат вращается, корабль взмывает вверх и снова падает

¹ Имеется в виду монарда — травянистое растение с запахом апельсина-бергамота, известное в Англии под названием «дикий бергамот» или просто «бергамот».

вниз, восходит желтое нарисованное солнце, и мы, некогда знаменовавшие собой все новое, уходим и уносим частицу волшебства. И хотя нынче в наших домах не слышать ни жужжания прялки, ни ритмичного стука подножек ткацкого стана, ни быстрого шелковистого шелеста «челнока-самолета», ни гулко-го «бум» деревянного бѣрда, в нашем воображении мы еще слышим все эти звуки — эту песнь любви.

Когда приметы старины — одновременно и приметы сельской жизни, писать о них намного легче, потому что в сельской жизни есть постоянство и преемственность, благодаря чему дистанция длиною в век или два кажется несущественной.

Шропшир — графство, где благородная красота старины продолжает жить и поныне, и мне посчастливилось не только родиться и вырасти в этой волшебной атмосфере и обзавестись многочисленными друзьями, чей милый деревенский разговор и память о былом воспламеняли мое воображение, — мне посчастливилось иметь такого отца, каким был мой отец: в его голове хранились предания и легенды, которых не сыщешь в книжках, в его душе жила негасимая любовь к красоте лесов и полей, особенно пронзительная, быть может, оттого, что так редко могла себя выразить.

Что касается древнего обряда «грехоедства», то его раньше меня и с непревзойденным мастерством описал Уильям Шарп¹. Однако это явление не исключительно шотландское; в старину о нем хорошо знали

¹ Уильям Шарп (1855–1905) — шотландский писатель; с 1893 г. издавался под псевдонимом Фиона Маклауд. Рассказ «Грехоед» («The Sin-Eater», 1895) вошел в одноименный авторский сборник мистических историй.

и в наших краях, на границе с Уэльсом. Об одном таком греходе упоминал еще Джон Обри¹; по его словам, человек этот жил в «хижине на дороге в Росс»² и был «беден как церковная мышь».

Я должна выразить благодарность авторам книги «Шропширский фольклор»³ за тексты песен «Зеленая тропинка» и «Далеко ль до Барли-Бриджа» и за возможность уточнить разные местные обряды и традиции, о которых мне было известно лишь понаслышке; а также сомерсетским ткачам, которые познакомили меня с работой на прялке и ручном ткацком стане.

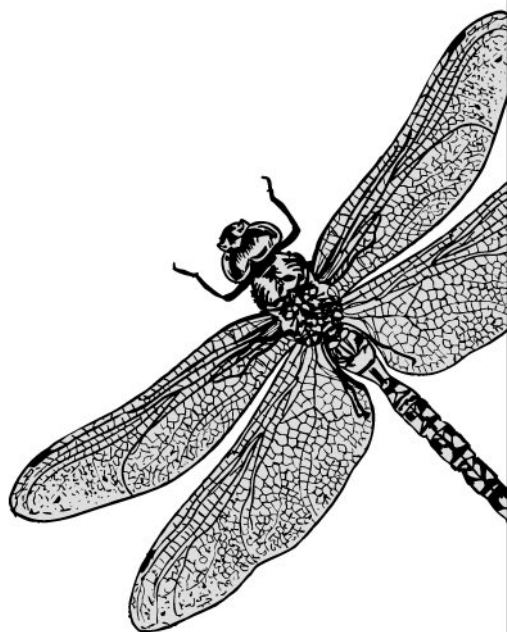
*Мэри Уэбб
Март 1926 г.*

¹ Джон Обри (1626–1697) — писатель, антиквар, один из первых английских археологов и фольклористов.

² Имеется в виду городок Росс-он-Уай в графстве Херефордшир, близ границы с Уэльсом.

³ Авторы книги, опубликованной в 1883 г., — Джорджина Фредерика Джексон (составитель) и Шарлотта София Берн (редактор).

Книга первая

Глава первая

САРНМИР

Кестера я впервые увидела на сидинах, или су-
прядках. И если в нынешние новые времена, когда
со всех сторон нас обступают диковинные изобре-
тения и кое-где у нас в стране, как я слыхала, появи-
лась даже машина для жатвы и косьбы, — так вот,
если теперь кто-то уже не знает, что такое сидины,
я расскажу в свое время. А в тот день все собрались
ради Джансис Бегилди, и, хотя ей в ту пору было два-
дцать три, а мне на два года меньше, это еще не на-
чало истории, которую я собираюсь поведать.

Кестер говорит, что все истории — правдивые
истории жизни или красивые истории любви — бе-
рут начало даже не в детстве и даже не в камышовой
колыбели. Вы-то, может быть, и не спали никогда
в камышовой колыбели, но у нас в Сарне так пове-
лось испокон века: нас всех качали в камышовой
люльке. Чего-чего, а камыша в Сарне хватало, и же-
на Бегилди была большая мастерица плести детские
колыбели на железных обручах от бочек. Плетеную
корзину ставили на качалку, и получалась чудная
колыбель, зеленая и мягкая, и младенец лежал там
важный, как гусеница в своем коконе. Будущая на-
рядная бабочка — только так называет гусениц Кес-
тер. Кестер очень держится за такие вещи. Никогда

не скажет просто «гусеницы». А скажет: «Много будущих бабочек у нас на капусте, Пру». И про зиму не скажет «зима», а скажет: «Лето крепко спит». И самый крошечный, самый невзрачный бутон Кестер назовет зачатком расцвета.

Но о Кестере после. Я хочу рассказать о всех нас, кто жил в Сарне, о маме и Гедеоне, о себе, о красавице Джансис и колдуне Бегилди и еще о нескольких наших соседях. Жителей в Сарне мало — и было, и будет, скорее всего. О Сарне говорят: неприятное место. Может быть, из-за плеска воды, месяц за месяцем, год за годом. Вода здесь повсюду, ты ее видишь и слышишь, куда ни глянь. А может быть, из-за больших деревьев справа и слева, которые все чего-то ждут, все думают о чем-то своем; или из-за вечного покоя, в который погружено это странное место — как будто Господь сотворил его меньше часа назад, и сотворил не для нас. А может быть, из-за бедной болотистой почвы с худосочной и малопродуктивной для корма травой; хорошо здесь растет разве только камыш, да болотная трава, да баранчики. Наверное, по-вашему это первоцветы, но мы зовем их баранчики — или небесные ключики. Посмотришь на сарнские луга, усыпанные желтыми первоцветами, и сердце радуется — сплошь золотые! По такому ковру зазорно ходить даже ангелам. А сделать цветочный мяч можно было скорее, чем дрозд дважды пропоет свою песню: всего-то и надо присесть и, не сходя с места, нарвать охапку баранчиков. Всюду, куда ни глянь, золотые россыпи — всюду, но не вокруг озера, где начинались леса и уходила вдаль серая гладь воды, сверкавшая искрами на солнце. Ни лесá, ни вода не казались мрачными в погожие весенние дни, когда появляются первые листья и на верхуш-

ках берез набухают почки цвета неспелого пшеничного колоса. И только наш дубовый лес даже весной выглядел по-осеннему из-за того, что молодые листья дуба такие бурые. Поэтому у нас и в мае веяло октябрем. Но сидеть на лугу и смотреть на дальние холмы было очень приятно. Лиственницы рвались вверх своими светлыми юными побегами, золото первоцветов согревало душу, и Сарнское озеро, Сарнмир (или просто Сарн), расплывалось пятном голубого тумана в желтоватом тумане берез. И все вокруг дышало таким сонным покоем, что, если мимо пролетала пчела, а уж тем более шмель, ты вздрагивал, как от громкого крика. Залети сейчас пчела ко мне в окно, где на подоконнике стоит кувшин с желтофиолями, я вновь увижу все это и за лесами в лучах заката увижу другое озеро — Плашмир, похожее издали на осколок бутылочного стекла. Озеро Плаш больше нашего Сарнского, и на его берегах нет ни деревца, а у дальней оконечности холмы расступаются и облака растут из воды, словно белые кувшинки: на Сарнмире белая кайма из кувшинок держалась целых пол-лета. В Плаше не было ничего особенного, озеро как озеро. Это вам не Сарн! Никакого возмущения воды¹, никакой подводной деревни с колоколом, чей звук временами доносится из неведомой глубины. Недаром люди говорили про Сарн, что от него веет чем-то нездешним.

На Плаше жила семья Бегилди, и в их доме, наполовину каменном, наполовину пещерном, я выучилась читать. Должно быть, вам странно, что такая, как я, простая бедная женщина, знает грамоту и сумела изложить свою историю в книге. Еще бы не

¹ Ин. 5: 2–4.

странно! Ведь когда я была молоденькой девушкой, немногие благородные леди (о других и говорить нечего) могли написать хоть что-нибудь, кроме любовной записки, а некоторые только и умели вывести на банке с желе: «айва и яблоки»; иные даже с трудом ставили свою подпись в церковной книге. Ко мне до сих пор, бывает, приходят и просят написать за них любовное письмо. Никому не пожелаю писать за других любовные письма, когда у самой душа огнем горит!

Если бы не мистер Бегилди, я никогда не написала бы всего этого. Он выучил меня читать и писать и складывать числа. И хотя он был вероотступник и хвастал, будто умеет делать то, чего, по-моему, не умел, и баловался такими вещами, в которые добрым людям лучше бы вовсе не лезть, я буду век благодарить Бога, что послал мне его! Не дивно ли управил Господь, заронив в сердце Бегилди охоту учить меня? Ведь это поистине диво, ибо колдун служит не Богу, а Люциферу. Нет, Бегилди не был злодеем, он просто не ведал добра, словно всякую праведность в нем испепелил неистовый огонь его ума, алкавшего темных тайн. Он был звездочет, предсказывал будущее и называл себя ловцом духов. Однажды я возьми и спроси, а где же то будущее, которое он видит так ясно. И он ответил: «Оно там же, где прошлое, дитя, в глубине времен». У мистера Бегилди на все был ответ! Но когда я передала его слова Кестеру, тот не согласился. Прошлое и будущее, сказал он, — два челнока в руках Господа, ткущего вечность. Кестер был ткач; наверное, потому и Создателя представлял ткачом. А по-моему, нам не дано знать, что есть прошлое и будущее. Мы так малы и беспомощ-

ны на земле — она для рода людского точно зеленая камышовая колыбель, и мы из нее смотрим на звезды, не понимая, что они такое.

Как только я выучилась писать, я сделала себе книжечку с коленкоровой обложкой и стала каждое воскресенье записывать в нее всякие веселые и счастливые случаи за минувшую неделю и таким образом сберегать их. А если времена были тяжелые и горькие для меня, я и это записывала, и на душе делалось легче. Поэтому, когда наш пастор, знавший, сколько неправды наговорили про меня, велел изложить в книге все, что я помню, всю правду и ничего больше, я смогла освежить свою память с помощью записей, которые вела воскресенье за воскресеньем.

Ну, теперь это все позади, и невзгоды, и тяготы. Теперь тишь да гладь, словно безветренным вечером, когда кругом лежит снег, и небо зеленое, и блеют ягнята. Я сижу у огня, и у меня под рукой моя Библия. Очень старая женщина — усталая женщина... Но ей нужно завершить важное дело, прежде чем сказать последнее прости этому миру. Когда я смотрю в окно и вижу равнину и огромное небо с облаками, будто бы стоящими на горах, мне вспоминаются густые сырые леса Сарна, и стоны заledenевшего озера, и вода — как она заливала кладовку под лестницей во время оттепели. В Сарне неба почти не видеть — кроме того, которое отражается в озере; но небо в озере не такое, как настоящее небо над головой. Ты видишь его сквозь темное стекло, и длинные тени от стеблей камыша ложатся тонкими черными линиями на скользящие звезды, и даже солнце и луна могут внезапно исчезнуть — луна иногда потеряется в листьях кувшинок, а цапля порой заслонит собой солнце.

Глава вторая

РАЗГОВОР С ПЧЕЛАМИ

Мой брат Гедеон родился в тот год, когда началась война с французами. Потому отец дал ему воинственное имя — Гедеон¹. Джансис всегда говорила, что оно ему в самый раз — оно бывает только полным, и никаким иным. Большинство имен можно уменьшить до ласкательных — укоротить, словно сюртук или платье, чтобы годилось ребенку. Но Гедеон есть Гедеон, ни убавить, ни прибавить. Какое имя, таков и человек. Я была привязана к брату, как мало какая сестра, но даже я понимала это. Если у тебя одно только полное имя для всех, то все о нем забывают. И почти никто в нашей округе не звал брата по имени. Его звали Сарн. Пока жив был отец, было два Сарна — старший и младший. А когда отца не стало, Гедеон все присвоил себе. В тот летний вечер брат вышел из дому и обвел взглядом отцовское хозяйство — прямо ел и пил его, пожирал глазами! Не из любви, а из жадности: прикидывал, сколько сможет выжать из фермы. Точь-в-точь наш отец, и чем дальше, тем больше брат становился по-

¹ *Гедеон* — «воин-рубака» (др.-евр.). Ратный подвиг библейского Гедеона описан в Книге Судей (гл. 6).

хож на него, и внешне, и по складу ума. Правда, нравом он был потише, а упорством покрепче, но в целом — два сапога пара. Отец-то наш чуть что вспыхивал как спичка и в гневе рвал и метал, аки лев рыкающий. Наверное, оттого мама давно махнула на себя рукой и состарилась раньше срока. Гедеоны я видела в гневе — по-настоящему злым — всего три раза. Обычно ему хватало взгляда. Глянет на тебя так, что сердце уйдет в пятки, ну и уступишь ему, все равно ведь он сделает по-своему. Я видела, как грозный пес поджал хвост и заскулил от одного взгляда моего братца! Почти у всех Сарнов глаза серые — серо-стальные, цвета озера зимой, — и мужчины у нас в роду обычно угрюмы и нелюдимы. «Хмурый, как Сарн», — говорят в здешних краях. А еще говорят, что семейство наше со странностями — с тех самых пор, как во времена религиозных войн Тимоти Сарна ударила молния. Сарны уже и тогда жили здесь, они всегда здесь жили, как только тут поселились люди. Так вот этот Тимоти пошел против народа и наставлений служителя Божьего и встал на сторону их супротивников, кто б они ни были, да и речь теперь не о них. Короче говоря, ударила его молния, и он упал без чувств. Однако опомнился, и священник начал увещевать его перейти на правильную сторону и тем наперед уберечься от молнии. Но Сарны всегда были большие упрямцы. Тимоти остался на своей несправедливой стороне, и однажды, когда возвращался домой через дубовый лес, его снова ударило. Должно быть, молния вошла в его кровь. Он умел предсказывать бурю задолго до ее начала, и, по слухам, в грозу вокруг него плясали

языки пламени, так что никто не смел к нему приблизиться. У всех Сарнов после Тимоти в крови молния. Так говорят. Не знаю, правда это или нет, слишком уж давняя история, чтобы считать ее чистой правдой. Хотя подчас мне казалось, что и само наше место, наш Сарн, слишком древнее, чтобы существовать взаправду. И лес, и ферма, и церковь на дальнем берегу озера — все было старое-престарое, словно приснилось кому-то во сне. И делалось жутко, и люди боялись ходить туда затемно. Из звуков только тихий плеск выпрыгнувшей из воды рыбы да стук Гедеоновой лодки о ступени — будто кто-то часами стучится в дверь. А сразу за нашей садовой калиткой в озеро уходил длинный мол, такой длинный, что конца его было не видно... Словом, очень пустынное и старое место наш Сарн. Воскресными вечерами над водой разносился слабый колокольный звон. В детстве мы думали, что звонят в подводной деревне, но теперь я думаю, что то было просто эхо колоколов нашей церкви. Говорят, есть такие места, где звук отскакивает от стены деревьев и летит назад, точно мяч.

И в один из воскресных вечеров, когда слабый звон вторил нашим четырем церковным колоколам, мы второй раз подряд прогуляли службу. Уж больно хороший выдался вечер! Родителям было не до нас, пришлось срочно заняться пчелами — те стали роиться. Ну мы с братом и решили этим воспользоваться, но сперва хотели подкараулить у гостя Джансис и позвать ее играть с нами. Папаша Бегилди не особо следил, ходит ли дочка в церковь, он и пастор друг друга не жаловали. Каждое чет-

вертое воскресенье — служба у нас бывала только раз в месяц (пастор служил также в Брамтоне, где он жил, и еще в одном месте), и прогуливать церковь нам строго запрещалось, — так вот, каждое четвертое воскресенье, когда стрелки часов показывали пять, Бегилди отсылал Джансис в церковь, а приходила она туда рано или поздно, и приходила ли вообще, о том он ее никогда не спрашивал и тем более не требовал отчета о проповеди. Нашто отец учинял нам допрос перед сном, когда мы были уже в ночных рубашках. Он садился на большую скамью с высокой спинкой, держа наготове березовую розгу, и скамья, которая всю неделю казалась очень внушительным предметом мебели, вдруг делалась маленькой, будто игрушечная. На что бы отец ни сел, все казалось маленьким. Мы стояли босыми ногами на холодных каменных плитках в рубашках из небеленого полотна, сотканного из маминой пряжи бродячим ткачом у нас на чердаке среди ларей с яблоками, и отец задавал вопрос за вопросом и, если ответ был неверный, делал метку на скамье: каждая метка — удар розгой в конце экзамена. Читать отец не умел, но помнил все наизусть. Должно быть, повторял про себя, пока работал. Недюжинного ума был человек, так я думаю, да только не знал, чем занять свой ум. Вот дали бы ему следить за работой новейшей ткацкой машины, о которой мне недавно рассказывали, может, он бы и успокоился, но в то время о подобном чуде не слыхивали. Кроме нас с братом, других машин у него не было, и каждое четвертое воскресенье, а также в Рождество и на Пасху мы горько сожалели,

что отец наш не Бегилди, хотя пастор считал Бегилди нечестивцем и прилюдно, с амвона, его порицал.

Помню, однажды в пасхальное воскресенье после долгого и скучного нравоучения отец уж очень жестоко нас высек, и Гедеон, стоя посреди кухни, в лицо ему объявил:

— Я хочу быть сыном мистера Бегилди, и пусть дьявол заберет себе мою душу! Да будет так. Аминь.

Ох и разошелся тогда отец! Потом еще и на маму набросился, дескать, это она виновата, что с детьми сладу нет, не зря у ее дочки на лице дьявольское клеймо, а теперь вон и мальчишка свой норов показывает... Ведьмино отродье! Я знаю, потому что позже мама передала мне его слова. А в ту минуту я просто увидела, как она вся сжалась в комок, — она и вообще-то была маленькая, а тут стала совсем крошечная, словно сказочный эльф, — и давай причитать:

— Разве я виновата, что заяц дорогу перебежал? Чем же я виновата?

Странно было мне слышать, как она опять и опять повторяет одно и то же. Я и теперь ясно вижу наш дом и кухню, если закрою глаза, особенно если рядом стоит букет первоцветов. Пасха в тот год была поздняя, на дворе уже стало тепло, в укрытых от ветра местах полезли первоцветы, и мы нарвали букет для дома. В кухне было темно, как в пещере, но в очаге горел слабый огонь, и красный очаг, точно око Господне, из темноты наблюдал за нами. Маленький красный глаз — блик от очага — светился на каждом предмете кухонной утвари. В последующие годы я часто смотрела на эти красные огонь-

ки — отражения большого огня (точно так же как призрачные колокола были эхом настоящего церковного звона) и постепенно пришла к мысли, что это часть игры нашего видимого мира. Множество красных мерцающих огоньков тут и там, но они только призраки огня! И тихие веселые перезвоны не более чем призраки колокольного звона, лишь слабое эхо, оттолкнувшееся от стены из листьев или от зеркала воды. В отцовских глазах тоже был отсвет огня, и в глазах Гедеона, но не в маминых, потому что она стояла спиной к очагу у стола с первоцветами и собирала тарелки и кружки после нашего ужина. И если кому-то покажется странным, что ребенок так хорошо запомнил далекое прошлое, подумайте вот о чем: время вырезывает свои картинки на нашей памяти, как мальчуган вырезывает ножичком буквы, и чем меньше букв, тем глубже след. В Сарне с нами так мало всего приключалось, что немногие события запомнились на всю жизнь. И мамин голос посейчас цепляется за сердце, как цепляются за юбку на луговой тропе тонкие клейкие нити липучника. Голосок у мамы был слабый, жалостный. Такой жалостный! И что бы она ни сказала, во всем чудился скрытый смысл и какая-то недосказанность. Иногда я представляла себе человека, который в потемках пытается что-то нащарить или бредет наугад по длинным черным проходам, выставив в стороны ладони, один в крошечной тьме. Вот так же прозвучали ее слова: «Разве я виновата, что заяц дорогу перебежал? Чем же я виновата?»

Что бы она ни сказала, даже если в этом не было совсем ничего смешного, на лице ее всегда появлялась слабая улыбка; так улыбаются, когда хотят кого-то умиловить или когда больно поранятся, но стараются не показывать виду: очень жалкой была ее улыбка, всегдашняя улыбка! И когда отец принялся сызнова лупить Гедеона за то, что тот пожелал быть сыном Бегилди, мама, стоя у стола, то и дело повторяла: «Ох, Сарн, не надо! Прекрати, Сарн!» — и все время улыбалась, словно своим тихим голосом хватала отца за руки. Бедная мама! Бедная, бедная моя мама! Встретимся ли мы с тобой на том свете, родная душа, воздадим ли тебе за нашу тогдашнюю черствость?

Я навсегда запомнила ту Пасху, но Гедеон, как видно, забыл, и, когда я напомнила ему, что прогул будет нам дорого стоить, он отмахнулся:

— А, пустяки! Скажем Тивви Секстон, чтобы как следует слушала проповедь, потом перескажет нам, и мы запросто ответим отцу. Я готов и порку стерпеть, если найду хорошие конкеры и поквитаюсь с Джансис, а то в прошлый раз она у меня выиграла.

Знаете ли вы, что конкеры — это порошки раковины улиток? Теперь дети играют каштанами, а мы нанизывали на веревку улиточью ракушку. Улиток в наших лесах было видимо-невидимо, и Гедеон устраивал поединки даже с ребятами, которые жили за пять миль от нас, на дальнем берегу озера Плаш. Он был знаменитость в своем роде: просла-

Уэбб М.

У 97 Золотое проклятье : роман / Мэри Уэбб ; пер. с англ. Н. Роговской. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-32665-1

Мэри Уэбб — английская писательница и поэтесса начала XX века, «забытый гений», чье творчество долгие годы было почти неизвестно в России. Уэбб (в девичестве Мердит) родилась в Лейтоне, небольшой деревне в графстве Шропшир. Ее мать, Элис, происходила из семьи сэра Вальтера Скотта, знаменитого шотландского писателя. Мэри была старшей из шести детей. Когда ей было 14 лет, мать тяжело заболела, и на плечи девочки легла забота о младших братьях и сестрах. Отец, учитель сельской школы, с детства прививал дочери тягу к литературе и любовь к местной природе, которой пронизано все ее дальнейшее творчество. «Золотое проклятье» (1924) — одно из самых успешных произведений Мэри Уэбб. В 1926 году книга была удостоена французской премии «Фемина» как лучший зарубежный роман (в числе номинантов этой премии в разные годы были такие английские писатели, как Эдвард Форстер и Вирджиния Вулф). Действие романа, как и других произведений Уэбб, разворачивается на фоне поэтичных шропширских пейзажей и переносит читателей в начало XIX века. Это светлая и трогательная история девушки, отмеченной судьбой, для которой ее «проклятье» становится источником внутренней силы и через боль и страдания помогает обрести любовь.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

МЭРИ УЭББ
ЗОЛОТОЕ ПРОКЛЯТЬЕ

Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Художественный редактор Иван Лицук
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ульяна Смирнова, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.06.2026.

Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:

<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-NAM-41976-01-R